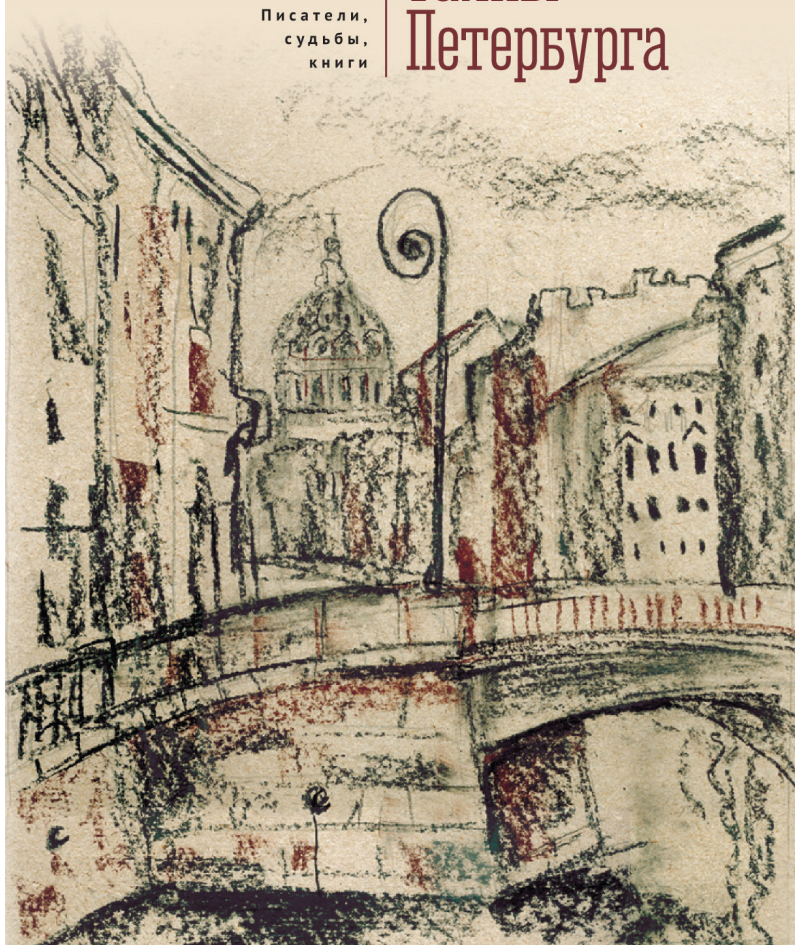

Владимир
Малышев

Писатели,
судьбы,
книги

Литературные тайны Петербурга

Владимир Викторович Малышев

Литературные тайны Петербурга.

Писатели, судьбы, книги

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69057763

*Литературные тайны Петербурга. Писатели, судьбы, книги / В. В.
Малышев: Алтейя; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-00165-609-8*

Аннотация

Умышленным, самым фантастическим городом на земле, как известно, называл Санкт-Петербург Федор Достоевский. И многие другие литераторы, пожалуй, только и делали, что писали о роковых «тайнах Петербурга» и его загадках. Но еще более удивительным в его истории было то, что особенно велика была в этом городе под хмурым северным небом концентрация гениев литературы. Это и Пушкин, и Гоголь, и Грибоедов, и Достоевский, и Блок, и Лесков, и Мандельштам, и Анна Ахматова, и многие другие. Почти все писатели и поэты «золотого» и «серебряного» веков русской литературы жили и творили именно здесь. Почему так получилось? Об этом гадают до сих пор. Петербург -это самый северный из всех мегаполисов планеты. Но вероятно

дело не в климате, а в особой стимулирующей среде, созданной тесным общением гениев, возможностью свободных дискуссий, общими интересами, обменом дарованиями, что и произошло в Петербурге. Но если все дело в этом, то почему их что-то не видно в этом городе сейчас? Значит, скорее это связано с некой тайной, тайной истории Петербурга, которую уже более 300 лет пытаются и никак не могут разгадать.

Автор этой книги не пытается разгадать тайну Петербурга, он просто рассказывает о биографиях гениев русской литературы, живших в северной столице. Но в жизни многих из них тоже много всяких тайн и загадок, как и у самого города. В Петербурге-Ленинграде поэты и писатели не только создавали свои шедевры, мечтали и воспаряли духом, но и мучились, страдали и погибали. Петербург – не только город литературных гениев, это еще и город многочисленных жизненных драм, изломанных судеб, невероятных биографий, многих литературных тайн и загадок. Обо всем этом, о необыкновенных судьбах писателей и поэтов Петербурга и рассказывает эта книга.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	8
Тайны Пушкина	14
Тридцать дуэлей	16
Там, где его отпевали	17
Смирение и благородство	19
Записка от императора	20
Какое такое поприще?	22
Памятники рукотворные	24
Все было не так	26
Всю жизнь страдал	28
«И друг степей калмык...»	31
«Черт догадал....»	33
Цензура, брат, цензура...	34
В высшем свете его ненавидели	36
Жертва политического заговора?	39
«Казак Луганский»	41
Плачевный опыт	43
Главное детище	44
Православный христианин	46
Дом «Пиковой дамы»	48
История из жизни	49
Страстный картежник	50
Азартная игра	51

Тайная недоброжелательность	53
Проделку заметили	54
«Счастливая» комбинация	55
Лермонтов в Петербурге	56
Дом на Садовой	57
Гусарские будни	59
Музей поэта	61
Лермонтовский зал	62
Кюхля с пистолетом	63
Словарь молодого революционера	65
Откуда они?	67
Старый «Герой нашего времени»	69
Кровь и чернила	71
Первый газетный магнат	73
Наследство Булгарина	75
Загробная тайна Гоголя	77
Восторг перед Италией	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Владимир Малышев

Литературные тайны Петербурга.

Писатели, судьбы, книги

*В оформлении обложки использована работа Натальи
Граве.*

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. В. Малышев, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Предисловие

Уже давно заметили, что гении появляются далеко не везде. В мире есть всего несколько городов, где миру являлись целые созвездия сверхталантливых людей в самых разных областях, в науке, в культуре, в искусстве. Это, прежде всего, Афины, Рим и... Петербург! С городом на Неве, так или иначе, связаны 12 российских лауреатов Нобелевской премии. Это и Иван Павлов, и Илья Мечников, и Василий Леонтьев, и Петр Капица, и Жорес Алферов, и Иосиф Бродский и другие. Ни в одном другом городе России не было столько талантов, даже в Москве. Но особенно велика была в Петербурге концентрация гениев литературы. Это и Пушкин, и Гоголь, и Грибоедов, и Достоевский, и Тютчев, и Блок, и Лесков, и Мандельштам, и Анна Ахматова, и многие другие. Почти все писатели и поэты «золотого» и «серебряного» веков русской литературы жили и творили именно в городе на Неве.

Почему так получилось? Почему именно Петербург, а не Москва стал в России «колыбелью гениев»? Об этом гадают до сих пор. Когда говорят об Афинах и Риме, то появление там блестящей плеяды творцов во всех областях нередко объясняли невероятно благоприятными природными условиями, особой климатической аурой, где гении росли, будто бы как в теплице. Древняя Греция вообще была клима-

тическим парадизом, раем на земле, где во многом благодаря именно этому и расцвела удивительно плодотворная цивилизация, ставшая основой всей европейской культуры. Но Петербург находится совсем в другом месте, это самый северный из всех мегаполисов планеты. Холод, сырость, туманы – какая там аура! Так что климат тут не причем, даже наоборот. Хотя Петр I, несмотря на то, что Петербург с Грецией в смысле климатических достоинств никак не сравнишь, все же называл основанный им на болоте город парадизом, раем земным.

В этой связи петербургский археолог, историк и писатель, доктор философских наук, автор ряда книг о Петербурге, Андрей Буровский выдвинул свою теорию «особости» города на Неве. Он обратил внимание на то, что через город проходят четыре активных разлома Лапландско-Нильского линеймента. Активный разлом – это линия, по которой расходятся геологические пласты. Или расходятся в разные стороны, или опускаются/поднимаются. В местах таких разломов геологически неспокойно, среда часто и сильно меняется.

«Сейсмо-геодинамическая активизация, – пишет А. Буровский, – влечет за собой изменение состава атмосферы из-за притока газов, силы тяжести, магнитного поля, низкоамплитудных импульсивных электромагнитных излучений», – давайте переведем это с профессионального языка: над активными разломами, пока края их расходятся, меняется течение геофизических, геохимических и энергетических

процессов. То есть становятся иными как раз базовые, физические и химические характеристики среды; причем меняют облик неоднократно».

И отсюда А. Буровский делает такой вывод: «Люди в Петербурге все время как бы инопланетяне – они дышат воздухом, несущим разные элементы таблицы Менделеева, пьют воду, состав которой непредсказуем, срывают одни и те же растения с разным химическим составом; магнитное поле на их планете постоянно меняется (пусть незначительно), а тела пронизывают разные излучения разной интенсивности». А отсюда, как можно предположить, и все те причины, которые и сделали Петербург местом рождения необыкновенных талантов.

И тут самое время вспомнить еще и о гении места, божестве, духе-хранителе города, о *genius loci*. Понятие это уходит в глубину тысячелетий, когда религия ещё не знала монобожия. В Петербурге таким местом многие считают воздвигнутый в 1782 году памятник Петру I работы Этьена Фальконе. В городе давно бытует легенда, согласно которой северная столица будет жить до тех пор, пока восседает на бронзовом коне её основатель.

Хотя, как нам кажется, гений места – это вовсе не какой-то материальный объект, памятник, вроде Медного всадника, или здание, как афинский Парфенон, а именно дух-хранитель, и, следовательно, нечто невещественное. Что-то вроде знаменитого: «Умом Россию не понять...» Что имеет место

быть, но что никак точно определить нельзя. Не случайно такой знаток Петербурга, как Николай Анциферов, признавал, что «...описать сколько-нибудь точно этот *genius loci* Петербурга, (который и явился причиной концентрации в городе такого количества талантов), – задача совершенно невыполнимая». А потому этот факт надо просто признать за данность, а не пытаться объяснить. Что и сделал Федор Тютчев, заявив, что в Россию нужно просто «верить».

Но, конечно, дело не только в чудесах природы, на что указал профессор Буровский. Петербург был столицей России в период расцвета Российской империи. Именно сюда стремились все, кто хотел добиться в жизни успеха, получить признание, реализовать свою мечту. Сюда со всех концов страны съезжались и оставались жить писатели, поэты, художники, живописцы и скульпторы. А многие именно в нем и родились. Именно в Петербурге возникла особая, креатогенная, стимулирующая среда, созданная тесным общением талантов, возможностью дискуссий, общими интересами, обменом дарованиями. Именно это – одна из главных причин, почему город на Неве и стал местом небывалого подъема русской литературы и расцвета русской поэзии. Более того, Петербург можно назвать своеобразной родиной современного стихосложения – ведь в 25-ти километрах от него, в Царском Селе, учился и рос, тогда ещё юный, Александр Пушкин, с которого начался золотой век русской поэзии. А еще до него великий Ломоносов с восхищением на-

писал: «Открылась бездна, звезд полна...».

Петербург стал столицей империи, центром самого большого в мире государства, а для России – окном в Европу (и окном из Европы в Россию). Он дал вторую, необходимую для творческого равновесия точку опоры не только русской истории, но и русской словесности. Он явился своего рода лабораторией, где русская национальная культура разрабатывала связи и взаимодействия с иноязычными культурами, как российскими, так и зарубежными. Даже в самом имени города соединились три языка: Санкт (SANTA-святой) – слово латинское, Петр (PETER, в голландской или немецкой огласовке – слово по происхождению греческое: PETROS-камень, скала), бург (BURG-замок, крепость) – слово немецкое. От этого «триязычного» и, тем не менее, русского названия тянутся нити связей к античному язычеству, к изначальному христианству, к европейскому возрождению. Город вбирал в себя культуру, религии, быт, языки народов Европы, Азии, Ближнего и Дальнего Востока. Но при этом Санкт-Петербург был и остается крупнейшим архитектурным, научным, литературным центром Русского Севера, памятником, прежде всего, русской культуры. Но Петербург стал еще местом многих трагедий. Здесь был убит на дуэли Пушкин – «солнце русской поэзии», здесь в страшных мучениях умер Блок, в гостинице «Англетер» погиб Есенин, здесь расстреляли Николая Гумилева, могилу которого не могут найти до сих пор. Здесь Анна Ахматова, у которой

казнили мужа и бросили в лагерь ее сына, страдала во времена, когда «бессильная корчилась Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных «Марусь». А сколько поэтов и писателей были вынуждены покинуть город после переворота большевиков, спасаясь от тюрем и расстрелов? А сколько талантов погибло потом во время голода в страшную блокаду, когда над городом звенел голос отважной поэтессы Ольги Берггольц, призывавший не падать духом и продолжать борьбу? А сколько мучилось потом в тисках советской цензуры, будущего лауреата Нобелевской премии, осудив «за тунеядство» отправили в ссылку.

А потому Петербург-Петроград-Ленинград – не только город, породивший целую плеяду блистательных литературных гениев, это еще и город их драм и трагедий, изломанных судеб, невероятных биографий, многих тайн и загадок. Обо всем этом, о литературных тайнах Петербурга, о необыкновенных судьбах живших в нем великих творцов и рассказывает эта книга. В ней более 60 очерков о писателях и поэтах, тех, кто родился в городе на Неве, или в нем жил. Незвестное о знаменитостях, и напоминание о несправедливо забытых талантах.

Тайны Пушкина

Как известно, мы говорим, что Пушкин – это «наше всё». Об Александре Сергеевиче, казалось, мы знаем действительно всё: каждый его шаг, почти каждую строчку. Однако при жизни гениального поэта это было совсем не так. «Родители Пушкина не любили своего сына. Третьестепенными французскими поэтами Пушкины восхищались, а в своей семье просмотрели гения», – с грустью писала в книге «Жизнь Пушкина» один из его биографов Ариадна Тыркова-Вильямс. Просмотрели гения и многие другие его современники. Прошли годы и в наши дни мы все более отчетливо понимаем, что и на самом деле Пушкин – это действительно «наше всё».

Начнем с того, что Пушкин, гениальный поэт, камер-юнкер Императорского двора, потомственный дворянин, никогда не имел в Петербурге своего собственного дома, снимал квартиры. В доме на Мойке, 12, который принадлежал княгине Волконской, он поселился в сентябре 1836 года. Это, наверное, самое красивое место в Петербурге – совсем рядом великолепная парадная Дворцовая площадь с царским Зимним дворцом и величественной Александровской колонной. Мойка в этом месте изгибается изящной дугой, образуя неповторимой красоты панораму особняков на закованной в гранит набережной. Увы, жить в этом чудесном ме-

сте Александру Сергеевичу пришлось недолго, в этом же доме он, смертельно раненый на дуэли, умер. Потом в его доме сменилось много жильцов, здание неоднократно перестраивалось, а в советские времена в нем устроили коммунальные квартиры. Музей, посвященный поэту, там появился только в 1927 году.

В это сегодня трудно поверить, но после смерти поэта о нем мало вспоминали в России, его собрание сочинений плохо расходило, и были горячие головы, которые утверждали, что Пушкин, поэт-аристократ, вообще более нам не нужен. После революции его даже призывали «сбросить с корабля современности».

Тридцать дуэлей

Пушкин не только писал стихи. Историки утверждают, что у поэта было в общей сложности около 30 дуэлей. Он даже всегда носил тяжелую железную палку... «Для того, чтобы рука была тверже; если придется стреляться, чтобы не дрогнула», – объяснял Александр Сергеевич. Однако к смертельным поединкам жизнерадостный пиит относился довольно легкомысленно. Как-то поэт стрелялся с неким подполковником Старовым. Старов выстрелил первым и дал промах. Пушкин выстрелил в поле, снял шляпу и шутливо произнес:

*Подполковник Старов,
Слава Богу, здоров!*

Часто дуэли происходили из-за всяких пустяков. Но на них сам вспыльчивый поэт никого не убил. Убили его. И он хорошо знал, кто его убьет, – верил в предсказание гадалки, возвестившей ему смерть в возрасте 37 лет от «белого человека». Так и произошло. Его убийца Дантес был блондином...

Там, где его отпевали

Провожали в последний путь Пушкина в храме Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади – в двух шагах от его квартиры. До 1917 года в этом храме хранился древний образ «Спаса Нерукотворного» из домика Петра I, чтимая икона Божьей матери «Знамение» и древняя шелковая плащаница, вышитая в Константинополе. Этот храм был приходским для всех придворных и устроен с соответствующей роскошью. В 1923 году церковь закрыли, протоирея отца Федора Знаменского расстреляли, а ключи от нее передали отряду конной милиции. После чего, ворвавшись в храм, красные кавалеристы шашками в щепки изрубили бесценный иконостас, сожгли архив, а потом устроили в здании клуб для танцев...

Однако плясали в храме не долго. Вскоре там устроили приемный пункт ГУЛАГа. Люди заходили в бывшую церковь, сдавали в окошечко документы, а потом их уводили во внутренний двор. Кого на пять, кто на десять лет, а кого и навсегда...

Храм Спаса Нерукотворного Образа был возвращен церкви только в 1991 году. О поэте во внутренних его покоях сегодня напоминают две картины, которые видишь, когда поднимаешься по лестнице. На одной изображена последняя исповедь Пушкина, на другой – его отпевание. Имя раба Божия

Александра звучит в храме и в обычные дни на панихидах.

Смирение и благородство

Тело покойного принесли в храм на Конюшенной площади, хотя отпевать его должны были в Исаакиевском соборе, приходской церкви семьи Пушкиных. Но по дороге похоронная процессия неизбежно должна была проходить мимо дома, где жил нидерландский посол, барон Геккерн, приемный отец Дантеса. Чтобы избежать возможных эксцессов, император повелел провести отпевание в придворной Конюшенной церкви, поскольку Пушкин имел придворный чин камер-юнкера. И исповедовал его священник именно из этой церкви. Еще 27 января, когда врачи осмотрели рану, решено было позвать священника.

– За кем прикажете послать? – спросили Пушкина.

– Возьмите первого ближайшего священника, – ответил он.

«Ближайшим» оказался протоирей Петр Песоцкий, настоятель храма на Конюшенной площади. Он вышел от Пушкина со слезами на глазах, пораженный смирением и благородством умирающего поэта.

– Вы можете мне не верить, – сказал он, – но я для себя самого желаю такого конца, который он имел.

Записка от императора

Умиравшему Пушкину Жуковский передал записку от императора: «Если Бог не велит нам уже свидетельствовать на здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки», – писал Николай.

Царь видел в Пушкине опасного «вождя вольнодумцев» и впоследствии уверял, что «мы насилу довели его до смерти христианской», что не соответствовало, конечно, действительности, ведь ещё до получения царской записки поэт послал за священником, чтобы причаститься. Однако Николай I выполнил все обещания, данные умирающему поэту. Самодержец распорядился:

1. Заплатить долги.
2. Заложенное имение отца очистить от долга.
3. Вдове пенсион и дочери по замужество.
4. Сыновей в пажи и по 1500 рублей на вое питание каждого по вступление на службу.
5. Сочинения издать на казённый счёт в пользу вдовы и детей.
6. Единовременно 10 000 рублей.

Но и после смерти Пушкин продолжал оставаться жертвой светской суеты. В храм на отпевание пускали только по

билетам. Присутствовал весь дипломатический корпус, многие сановники. Случилась давка. У покойника отрезали куски от одежды, волосы, клали в гроб перчатки. «А дамы, — пишет в своих воспоминаниях М.Ф. Каменская, — так даже ночевали в склепе...»

Какое такое поприще?

Сообщение о кончине великого поэта было опубликовано лишь в одной газете: «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». Его написал ее редактор Андрей Краевский: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине великого поприща...»

Но уже на следующий день редактор был приглашен для объяснений к председателю цензурного комитета князю М. Дундукову-Корсакову.

– Я должен вам передать, – сказал он Краевскому, – что министр крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, это еще бы куда ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще?»

Князь уже после смерти поэта словно хотел отомстить ему за злую эпиграмму, которую тот сочинил про него:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь,
Почему ж он заседает?*

Потому что ж... есть!

Памятники рукотворные

Пушкин сам своими стихами «памятник воздвиг себе нерукотворный». Но много, посвященного поэту, в Петербурге воздвигли и другие. Первый – временный гипсовый бюст – был поставлен в 1881 году в сквере на Пушкинской улице. Затем на его месте в 1884 году был воздвигнут бронзовый памятник во весь рост по проекту А. Опекушина. Позднее монументы и памятные знаки, посвященные русскому гению, появились в Царском селе, на месте дуэли Пушкина на Черной речке, во дворе дома на набережной Мойки, где он жил, а в 1957 году открыли замечательный памятник поэту работы М. Аникушина на площади Искусств. Мемориальные доски с именем Пушкина установлены на набережной Фонтанки, на Галерной, на набережной Кутузова, во дворе дома на Мойке, где он жил. Именем Пушкина названы улица в центре Петербурга и ряд других улиц в Пушкинском, Павловском, Колпинском, Курортном и Красносельском районах.

Словом, трудно найти другого поэта, которому было поставлено повсюду столько памятников, не только в Петербурге, но и в других местах. Говорят, что монумент Пушкину воздвигнут даже в Эфиопии. Правда, на пьедестале написано: «Нашему поэту». Недавно бюст Александру Сергеевичу установили в Греции, на знаменитой горе Парнас в Дельфах.

А в Михайловском в 2000 году поставили монумент судьбоносному зайцу, который, как известно, спас Пушкина. Он представляет из себя верстовой столб с надписью «До Сенатской площади осталось 416 верст» и с фигурой сидящего на нем зайца. Когда поэт мчался в Петербург, где начинался бунт декабристов, дорогу ему перебежал заяц. Веривший в приметы поэт тут же повернул обратно...

Все было не так

Но вот при жизни великому поэту памятники не ставили. Даже родители Пушкина, как уже было отмечено, не любили своего сына. «Третьестепенными французскими поэтами Пушкины восхищались, а в своей семье просмотрели гения», – писала, как мы уже отмечали, в книге «Жизнь Пушкина» А.Тыркова-Вильямс. Просмотрели гения и другие.

Не имел успеха пушкинский журнал «Современник», где печатались не только его шедевры: «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка», «Медный всадник», но и стихи Тютчева, Лермонтова, Жуковского, повести Гоголя. В 1836 году вышло четыре тома. Первый том был издан тиражом в 2400 экземпляров, но из них раскупили не более трети. В результате тираж четвертого снизился почти втрое. После смерти поэта у самого интересного в истории русской литературы журнала осталось всего 233 подписчика. Впрочем, у журнала «Европеец», где Пушкин тоже печатался, было всего 50 подписчиков.

Что ж читали тогда в России? Уже забытых сегодня Марлинского, Булгарина, Греча, Полевого, легковесные «дамские» романы французских сочинителей, приключения бывшего каторжника Видока – прообраз нынешних детективов. За два века до господства гламурного «мыла» вкусы большинства публики, мало чем отличались от нынешних.

Выше всех поэта, пожалуй, оценил в то время все-таки Николай I – тот, кого в советские времена считали чуть ли главным организатором заговора по его уничтожению. «Знаешь, – сказал Николай жене после встречи с Пушкиным, – сегодня я разговаривал с самым умным человеком России». Император, как мы уже писали, назначил после смерти поэта щедрое пожизненное содержание его семье. Чего потом не сделал ни один советский правитель для родственников рано ушедших из жизни или покончивших с собой знаменитых поэтов и писателей.

Всю жизнь страдал

Всю свою жизнь Пушкин жестоко страдал, но не столько от дерзких ухаживаний за его женой, сколько от непризнания в обществе подлинного значения его творчества. Ведь в те времена не было ни премий, ни других знаков отличия для литераторов. Никто им не давал орденов, не сажал в президиумы. Каково же было быть гением, сознавать это и видеть, что другие этого не признают?

Ведь даже «специалисты», литературная критика того времени вовсе не всегда хвалили Пушкина. Когда поэт напечатал гениального «Бориса Годунова», влиятельный журналист Надеждин отозвался на это едким памфлетом:

*«Бориса Годунова»
Он выпустил в народ.
Убогая обнова,
Увы! на новый год!*

Даже его друг по лицу Кюхельбекер поставил «Годунова» ниже всеми давно забытых пьес Кукольника. Если его не понимали и не ценили друзья и коллеги-литераторы, то, что же говорить об остальных?

Спорили даже о его внешности. «Невозможно быть некрасивее его: это смесь наружности обезьяны и тигра», – написала однажды внучка Кутузова Дарья Фикельмон, увидев Пуш-

кина впервые у себя в салоне. Хотя дальше у той же Фикельмон в той же записи мы читаем: «Когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым...». Но ведь в памяти остается негативное.

Не случайно сам Пушкин советовал поэту не слушать мнения других:

*Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца...*

Разочарованный Александр Сергеевич писал:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

Митрополит Московский Филарет на эти слова возразил и тоже стихами:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мне дана,
Не без правды ею тайно
На тоску осуждена...*

Впрочем, вскоре Пушкин и сам понял то, что другие люди понимают только под конец долгой жизни: что благородное сердце умнее умной головы. И именно поэтому его Татьяна

оказалась умнее Евгения Онегина. Но наладить собственную жизнь и жизнь своей семьи самый умный человек в России не смог. Когда Пушкин умер, в доме было всего 300 рублей. Не на что было похоронить...

«И друг степей калмык...»

Во времена СССР, когда Пушкина подняли на пьедестал, тоже не все было гладко. Бенедикт Сарнов в своей книге «Сталин и писатели» описывает такой случай. В 1949 году отмечали 150 лет со дня рождения Пушкина. В Большом театре в Москве состоялось торжественное заседание, на котором читали его стихи. Выступления ораторов транслировалось через репродукторы, стоявшие тогда по всей стране на площадях. Шла трансляция и в одном маленьком казахском городке. Площадь была пуста, но вдруг ее заполнили странные всадники, прискакавшие неведомо откуда. Они были плохо одеты, измождены, но с большим вниманием стали слушать выступление Симонова, читавшего официальный доклад. Но, не дослушав до конца, они вдруг прищипорили коней и умчались... Зачем же они приезжали и, почему уехали явно разочарованные?

Оказалось, объясняет Сарнов, что это были калмыки, депортированные в Казахстан по приказу Сталина. Они примчались из своих поселений, чтобы услышать, произнесет ли московский докладчик, когда он будет цитировать текст пушкинского памятника, слова: «И друг степей калмык».

Симонов процитировал стихотворение. И даже соответствующую строфу прочел, но... не до конца:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус...*

И – все! На «тунгусе» цитата обрывалась. Называть тогда имена репрессированных народов запрещалось. А потому калмыки сразу поняли, что в их судьбе перемен не предвидится и уехали. Отрезанную пушкинскую строчку вернули лишь после смерти Сталина и XX съезда, когда калмыки смогли вернуться в родные места.

«Черт догадал....»

Любопытно, что одно из самых цитированных восклицаний Пушкина приводят в искаженном виде. Помнится, какое огромное впечатление произвела на всех премьера в БДТ в Ленинграде «Горя от ума» в постановке Георгия Товстоногова, когда над сценой вывесили плакат со словами: «Черт догадал меня родиться в России с умом и талантом!» В СССР такое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Вот, мол, в нашей стране ум никому не нужен, оттого и «горе от ума». По тем временам это была неслыханная смелость.

Однако на самом деле у Пушкина не так. В его самом последнем письме к Наталье Николаевне Гончаровой эта фраза выглядит иначе. «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Вместо «души» вдруг появился «ум». Разница, что и говорить кардинальная. «Подправили» Пушкина постановщики, чтобы его слова ассоциировались с названием пьесы Грибоедова «Горе от ума»? Сейчас, конечно, трудно сказать, кто сделал это первый. То ли сам Товстоногов, то ли кто-то еще до него. Но в любом случае корректировка непозволительная, а у самого Товстоногова, увы, уже не спросишь...

Цензура, брат, цензура...

Сам Пушкин прожил под топором цензуры всю свою жизнь. В его времена любое произведение, прежде чем выйти в печать, проходило через цензора. В конце концов его цензором стал сам Николай I.

В лицее Пушкин вовсе не был лучшим учеником. Когда в 1817 году состоялся первый выпуск лицеистов, гениальный поэт оказался по успеваемости лишь 26-м (из 29-ти учеников). «Превосходные успехи» он показал лишь в российской и французской словесности, а также в фехтовании.

Всем известна язвительная эпиграмма Пушкина на издателя Фаддея Булгарина, в которой поэт назвал его в ней Видок Фиглярин, имея в виду Видока – главу тайной полиции в Париже, намекнув тем самым на связи Булгарина с Третьим отделением.

*Не то беда Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.*

Однако газета «Северная пчела», которую издавал Булгарин, была самой популярной газетой в России. Ее тираж составлял 9 тысяч – огромную по тем временам цифру. Пуш-

кинская же «Литературная газета» имела всего 100 подписчиков. А роман Булгарина «Иван Выжигин», ныне прочно забытый, очень понравился императору, который подарил автору бриллиантовый перстень.

В советские времена Пушкина изображали как непримиримого борца с царизмом. Однако перед смертью он говорил об императоре иначе.

«Что сказать от тебя царю?» – спросил Жуковский у смертного одра поэта.

«Скажи, жаль, что умираю, весь бы был его», – тихо отвечал Пушкин.

В высшем свете его ненавидели

В высшем свете Петербурга многие его вообще ненавидели, что и послужило, как считают, поводом для коварной интриги и привело к убийству поэта. Ряд исследователей утверждает, будто поэт стал жертвой «голубого заговора». В Париже, да и в других европейских столицах, содомский грех тогда был в моде в высших кругах. В Петербурге «бугром» слыл министр просвещения граф Уваров, который на пару со своей «любовницей» уже упомянутым князем Дондуковым-Корсаковым и стал, как полагают, главным гонителем пушкинского таланта.

«В публике очень бранят моего Пугачева, а что еще хуже – не покупают, – раздраженно писал Пушкин в дневнике в 1835 году: «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дондуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтобы я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псать не любит». Зная вспыльчивый характер поэта, его враги стали били по самому больному – жене-красавице. И тут в Петербурге, откуда ни возьмись, и появился белокурый француз Дантес. Его приемный отец голландский посланник барон Геккерт устроил его в гвардию, ввел в лучшие дома. Геккерт никогда не был женат. Князь А. Трубецкой потом писал: «Не знаю,

как сказать: он ли жил с Геккерном или Геккерн жил с ним... Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в отношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив». Вскоре залетный французишка стал публично волочиться за Натальей Николаевной Пушкиной. Не давал ей проходу, а барон-«отец» всячески поощрял эти ухаживания. Вскоре оскорбительный для поэта пасквиль – диплом ордена рога носцев был разослан ему самому, его друзьям и знакомым. Пушкин тут же вызвал Дантеса на дуэль.

Сам Пушкин считал автором пасквиля Геккерна. Но окончательно так и не удалось установить, кто же именно сфабриковал гнусный «диплом». Подозрение пало также на дружок «голубого барона», князей И. Гагарина и П. Долгорукова, живших в одной квартире. Ряд советских исследователей-криминалистов утверждал, что именно они приложили руку к гнусной фальшивке. Это подтвердила и почерковедческая экспертиза. Есть подозрение, что это Долгоруков с сожителем изготовил и разослал по го адресам пасквиль по указанию своего «голубого» министра Уварова. Пушкин пришел в ярость и был убит на дуэли. На это и рассчитывали организаторы гнусной инсценировки.

Вдохновителями подлой кампании против Пушкина были также граф и графиня Нессельроде. Граф Карл Нессельроде, друг Геккерна, был немцем, ненавистником русских, но и ловким интриганом, который сумел стать в России ми-

нистром иностранных дел. Он и его жена играли виднейшую роль в свете и при дворе. Графиня Нессельроде яростно ненавидела Пушкина, и не могла простить ему эпиграммы на ее отца, графа Гурьева, масона, бывшего министра финансов, зарекомендовавшего себя служебными преступлениями. «...Встарь Голицын мудрость весил, Гурьев грабил весь народ» – написал Пушкин.

Графиня Нессельроде подталкивала Геккерна и подогревала скандал, распускала гнусные слухи, что будто бы у Пушкина связь с сестрой Наталии Николаевны Александриной, у Наталии Николаевны – с царем и Дантесом.

Жертва политического заговора?

В то время в правительстве России соперничали две партии. Одна – так называемая русская, а другая – «немецкая». К первой принадлежали Орлов и Перовский, ко второй – Нессельроде. Некоторые исследователи прямо утверждают, что Пушкин стал жертвой политического заговора, организованного Геккерном при поддержке Нессельроде. В его исполнении помогала «веселая шайка» (однополчане Дантеса). Они распространяли по городу слухи, мутили воду. У дома умирающего Пушкина толпились согнанные неизвестно кем простолюдины-«чуйки», как их назвал Данзас. Даже потребовалось вызвать караул для охраны дома. Отпевание было назначено сначала в Исаакиевском соборе, к прихожанам которого и принадлежал Пушкин, но по информации, пущенной заговорщиками, на отпевание по льду через Неву должны были толпой прибыть студенты Петербургского университета, а затем, впрягшись в траурный катафалк, везти тело в Александро-Невскую лавру, устраивая по ходу процессии битье стекол в голландском посольстве и избиение всех встречаемых на пути иностранцев.

Говорили, что во время похорон «русская партия» собирается устроить чуть ли не мятеж. В центре города днем и ночью дежурили армейские патрули. Были арестованы «ораторы» из толпы у дома Пушкина. Попал под горячую ру-

ку и молодой поэт Михаил Лермонтов. Сначала его знаменитое стихотворение «На смерть поэта» кончалось строкой «И на устах его печать». И было доброжелательно принято в обществе. Но в начале февраля член «шайки Геккерна», родственник Лермонтова, чиновник Министерства иностранных дел Николай Столыпин посетил поэта и «натравил» его на «русскую партию». Так появились заключительные шестнадцать строк, в тот же день с помощью «шайки» попавшие во дворец с припиской: «Воззвание к революции». Лермонтова в результате отправили под пули горцев на Кавказ.

И вот, что еще любопытно. Если в России успело появиться только одно печатное сообщение на смерть Пушкина – знаменитое «Солнце русской поэзии закатилось», то на Западе о дуэли сообщили все центральные газеты. В газетных сообщениях Пушкин фигурировал не как великий поэт, а как «глава русской национальной партии». Вот это определение и выдает, как считают некоторые историки, тайный умысел организаторов провокационной дуэли.

«Казак Луганский»

Исторический парадокс, но создатель лучшего и самого знаменитого словаря русского языка был из семьи выходцев из Дании. Отец Даля принял российское подданство в 1799 году вместе с именем Иван Матвеевич. Он знал множество языков и одно время работал у Екатерины придворным библиотекарем, а позднее стал врачом.

Его сын Владимир, который родился в местечке Луганский Завод (ныне Луганск), сначала не пошел по стопам отца. Получив прекрасное домашнее образование, он в 13 лет поступил в Петербургский морской кадетский корпус, о чем и сегодня напоминает мемориальная доска на его фасаде. Служил мичманом сначала на Черноморском, а потом на Балтийском флоте. Но позднее все же решил стать врачом и поступил на медицинский факультет Дерптского университета. Учился отлично и получил серебряную медаль.

Вскоре началась Русско-турецкая война, и Даль оказался в действующей армии в должности военного врача. Он оперировал в палаточных госпиталях и прямо на полях сражений и показал себя блестящим хирургом. «Я видел тысячу, другую раненых, которыми покрылось поле... резал, перевязывал, вынимал пули», – вспоминал он потом. С марта 1832 года, после окончания боевых действий, он, награжденный боевыми орденами и медалями, служил ординатором Петер-

бургского военно-сухопутного госпиталя, стал прекрасным хирургом-офтальмологом, и вскоре – медицинской знаменитостью столицы. Но тут маститым уже врачом овладела новая страсть – любовь к литературе, он начал собирать народный фольклор, пословицы, поговорки. Свои первые произведения он публиковал под псевдонимом Казак Луганский.

Плачевный опыт

Впрочем, первые опыты в литературе он делал и раньше. Один из них закончился плачевно. В сентябре 1823 года Даль оказался под арестом по подозрению в сочинении эпиграммы на главнокомандующего Черноморским флотом Грейга. Но был оправдан судом. Славу, как литератору, ему принесли «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый».

Современные дети, засыпая под сказку о Курочке-Рябе, не знают, что ее автором был Владимир Даль. Но власти сочли это произведение неблагонадежным, писателю грозили большие неприятности, он оказался в тюрьме. Выручил Василий Жуковский, который был наставником сына наследника Николая I. Он описал наследнику случившееся в анекдотическом виде и обрисовал Даля, как вполне достойного гражданина и кавалера боевых орденов. В результате император приказал освободить Даля.

Главное детище

Главное его детище, которое мы ценим до сих пор, – его знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка». Ничего подобного в России не создано до сих пор. Когда этот словарь был собран до буквы П, Даль ушел в отставку, поселился в Москве и решил посвятить оставшуюся жизнь своему детищу.

В это время он познакомился с Пушкиным. Тот подарил Владимиру Ивановичу свою сказку «О попе и о работнике его Балде» с примечательным автографом «Твоя от твоих!». А узнав о его страсти к собирательству слов, воскликнул: «Так сделайте словарь! Позарез нужен словарь живого разговорного языка!». Восторженно отозвался поэт и о собранных Далем пословицах и поговорках. «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей», что за золото!» А потом добавил: «Ваше собрание не простая затея, не увлечение. Это совершенно новое у нас дело. Вам можно позавидовать – у вас есть цель. Годами копить сокровища и вдруг открыть сундуки перед изумленными современниками и потомками!».

Как и его отец, Владимир Даль владел множеством языков. Он был не только искусным врачом и замечательным лингвистом. Он был и членом-корреспондентом Петербургской академии наук по физико-математическому отделению,

и членом-корреспондентом по естественным наукам. Написал два учебника – «Ботаника» и «Зоология». Прославился как этнограф, собрал лучшую в России коллекцию русского лубка. Составил этнографические описания народов Нижнего Урала и Казахстана. Увы, этот гениальный человек стал жертвой злого навета. Даля обвинили, что будто бы он составил мракобесную «Записку о ритуальных убийствах», обвиняя в этом евреев. Однако потом выяснилось, что Даль такой записки никогда не составлял и никакого отношения к ней не имел.

Православный христианин

До сих пор многие поражаются, как этот датчанин по происхождению сумел составить такой великолепный словарь русского языка. Однако сам Владимир Иванович никаким иностранцем себя никогда не считал. Еще в молодости он побывал в Дании, а потом вспоминал: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что я увижу отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что у меня нет ничего общего с отчизной моих предков». О труде же своей жизни, «Толковом словаре», он сказал еще проще: «Я любил отчизну свою и принес ей должную мною крупицу по силам».

Писатель Мельников-Печерский после смерти Даля вспоминал, что однажды они прогуливались недалеко от Пресни по полю Ваганьковского кладбища.

– Вот здесь я и лягу, – сказал Даль, указывая на кладбище.
– Да вас туда не пустят, – ответил Мельников-Печерский, имея в виду, что Даль был родом из лютеранской семьи.
– Пустят, – отвечал он, – я умру православным по форме, хотя с юности православен по верованиям.

Так и произошло. Когда осенью 1871 года с ним случился легкий удар, Даль призвал православного священника и принял православное крещение. 22 сентября он скончался и

был похоронен на православном Ваганьковском кладбище. Так что не случайно, что именно ему, как своему наследнику, Пушкин передал перстень. Не в поэзии, конечно, а наследнику в деле пропаганды и прославления «великого и могучего» русского языка, изучению которого Владимир Даль посвятил всю свою жизнь.

Дом «Пиковой дамы»

На этом доме в Петербурге нет мемориальной доски. Однако именно в нем, как полагают, жил персонаж, имя которого связано с одной из самых таинственных историй северной столицы. Речь идет о «Пиковой даме» Пушкина. Этот дом на Малой Морской ул., 10 в XIX веке принадлежал знаменитой княгине Наталье Петровне Голицыной, которая, как считают литературоведы, и послужила для Пушкина прообразом старухи-графини, сообщившей Германну мистическую тайну трех карт. В нем она прожила до глубокой старости, в нем и умерла в 1837 году в возрасте 94 лет.

Как описывает один автор, побывавший внутри исторического дома, его внешний, и внутренний облик в основном сохранился. Просторный вестибюль. Парадная мраморная лестница ведет к камину на площадке. Над ним высокое полуциркульное зеркало, а в нем небольшие круглые часы. Полустершиеся римские цифры на циферблате. Внизу надпись: Leroу Paris. Интересно, что Германну, когда он шел по дому графини, повстречались столовые часы работы «славного Leroу». Есть в доме и альков, две маленькие двери, узкий коридор, внутренняя винтовая лестница (в повести она названа витой), наконец, анфиладная дверь. В чем же секрет такого сходства? Может быть, Пушкин бывал в доме Голицыной?

История из жизни

История с тремя картами взята из жизни. Внук Голицыной Сергей Григорьевич Голицын (по прозвищу Фире) был в приятельских отношениях с Пушкиным. Фире любил поэзию, музыку. Но, пожалуй, больше всего любил карты. Однажды после крупного проигрыша он пришел просить денег у своей богатой бабки. Скупая Наталья Петровна вместо денег дала внуку совет поставить на три карты и таким образом отыграться. Что это были за карты, неизвестно. Каково же было удивление Фирса, когда он, шутя, поставил на три карты, названные Голицыной, и неожиданно с лихвой вернул проигрыш. Эта история стала известна Пушкину. Но ученые-пушкинисты подвергают сомнению тот факт, что Голицына была знакома со знаменитым авантюристом Сен-Жерменом и от него узнала тайну трех карт.

Тройка. Семерка. Туз. Отчего возникли в повести именно эти карты? Прежде всего, тройка. Она связывается в нашем представлении с тремя заповедями Германна. Всю жизнь он ставил на три верные карты: расчет, умеренность, трудолюбие.

Страстный картежник

Пушкин, как известно, и сам был страстным картежником. В полицейском списке карточных игроков от 1829 года поэт значился в одном ряду с графом Федором Толстым и «буйном» Нащокиным. «Пушкин – известный в Москве банкомет», – бесстрастно отметил полицейский чиновник. Да и сам поэт признавался в своих стихах:

*Что до меня, то мне на часть
Досталась пламенная страсть.*

* * *

*Страсть к банку! Ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пир
Не отвлекли б в минувшии годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?*

Азартная игра

Среди российских литераторов вообще имелось немало азартных игроков. Самым страстным из них был, конечно, Федор Достоевский, который часто проигрывался дотла, хотя и предпочитал все же рулетку. А самым умелым и удачливым игроком в карты слыл поэт Николай Некрасов. Пагубной страстью к картам страдали также баснописец Иван Крылов и сочинитель од Гавриил Державин. Последний всю жизнь хранил рубль, с которым остался, проигравшись однажды в пух и прах.

Однако карты не были исконно русской игрой. Говорят, что этот обычай в Москву занесли поляки в Смутное время. Его считали «вредным», и цари регулярно издавали указы о запрете карточных игр. Не любил карты и Петр I, предпочитая им шахматы. Однако позднее в карты все-таки стали играть при дворе, а потом эта страсть перекинулась на всю страну, достигнув своего апогея в XIX веке. Тогда в карты проигрывали состояния, из-за карточных долгов стрелялись, попадали в «Желтый дом». А потому императоры понимали пагубность этого пристрастия.

Известно, что царь Николай советовал Пушкину бросить картежную игру. «Она тебя портит», – говорил он поэту. – «Напротив, ваше величество, – отвечал стихотворец, – она спасает меня от хандры». А свое творчество Пушкин в

шутку называл «средством для уплаты карточных долгов». Так что можно смело сказать, что «Пиковую даму» написал «профессионал» своего дела.

Тайная недоброжелательность

Но почему именно безобразную старуху поэт избрал как персонаж, обладающий магической тайной трех карт? Ведь на такую роль куда больше подошли бы, например, заезжавший в Петербург международный авантюрист, граф Калиостро, или же его собрат по шулерскому ремеслу граф Сен-Жермен. Разгадка кроется, вероятно, в эпиграфе к повести: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Именно так объясняют некоторые авторы появление в повести старухи-графини. Будто однажды Пушкин гостил в доме Натальи Петровны, где, будучи в юности изрядным повесой, отчаянно волочился за всеми жившими там молодыми дамами. Старой графине такое поведение не понравилось, и она выставила гостя вон. Самолюбивый Пушкин был взбешен, но не вызывать же старуху на дуэль! А потому он решил отомстить ей по-своему: вывести ее в виде отрицательного персонажа в своей повести, как нередко поступают литераторы.

Впрочем, эта история не выдерживает критики. Впервые Пушкин увидел Голицыну в ее подмосковном имении Большие Вяземы, когда будущему поэту еще не было и десяти лет, а Наталье Петровне уже шел седьмой десяток.

Проделку заметили

Но проделку поэта в петербургском обществе заметили. Да так, что сам Пушкин сделал запись в своем дневнике. «При дворце нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной». Хотя, наверное, и без недостоверной истории «изгнания» поэта из дома на Малой Морской старая княгиня как нельзя лучше подходила на роль таинственной хранительницы тайны трех карт. Она была так же безобразна (у старухи росли усы, за что ее прозвали на французский манер «мадам Мусташ»). А, кроме того, прославилась своим независимым поведением, сильным, деспотичным характером. Даже ее сын могущественный в то время московский генерал-губернатор В. Д. Голицын не смел сидеть в присутствии матери. К тому же, как и все дамы ее возраста того времени, она любила коротать длинные зимние вечера за картами.

«Счастливая» комбинация

Много трактатов было написано и по поводу «счастливой» комбинации, которая погубила Германна. Были люди, которые потом упорно ставили именно на эти карты, но так же в пух и прах проигрывали. Тем не менее, история сохранила имена счастливлчиков, долгое время изучавших счастливые комбинации, и, в конце концов, выигрывавших состояния. У владельцев всех игорных домов в Европе был список эти «знатоков», их категорически запрещалось пускать в залы. Хроники, правда, умалчивают о том, какие же именно комбинации они использовали. Но список тех, кто в результате увлечения картами оказался после катастрофического проигрыша, как и несчастный Германн, в доме умалишенных, куда как длиннее...

Лермонтов в Петербурге

Хотя в Петербурге Михаил Юрьевич жил всего два года, однако город на Неве сыграл особую роль в его судьбе. В 1834 году Лермонтов был «произведен по экзамену» из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка, который был расквартирован в казармах на окраине Царского Села.

13 декабря поэт прибыл в полк. Служба в нем отнимала не так уж много времени и молодые офицеры могли часто ездить в Петербург и часто оставались там до очередного наряда. Бабушка Лермонтова Е. А. Арсеньева снабдила обожаемого внука всем необходимым, чтобы он не чувствовал себя неловко среди богатой гвардейской молодежи. Корнеты лейб-гвардии получали тогда окладного жалования по 276 рублей в год – немалые по тем временам деньги, но их, конечно, было недостаточно при образе жизни, принятом в гусарской среде. Поэтому бабушка выдавала своему любимцу до 10 000 рублей в год. Кроме того, в Царское Село в конце декабря 1834 года прибыли повар, два кучера, слуга (все четверо – крепостные из дворовых Тархан). Несколько лошадей и экипаж стояли на конюшне. Эти лошади предназначались для частых поездок в Петербург, так как Лермонтов большую часть свободного времени проводил в столице.

Дом на Садовой

В Петербурге Михаил Юрьевич останавливался в доме № 61 на Садовой улице. Именно в нем он снял квартиру к приезду Арсеньевой. Это трехэтажное здание было построено в начале XIX века, в более поздние время надстроили еще два этажа. С осени 1836 года Лермонтов проводил большую часть своего времени в стенах этого дома. В конце года поэт сильно простудился и в течение нескольких недель вообще на службу в Царское Село не ездил. На Садовой собирались его друзья, обсуждали литературные и другие новости, вели горячие споры. В этом доме он работал над романом «Княгиня Лиговская», переделывал драму «Маскарад», создавал новые варианты поэмы «Демон», написал много стихотворений, в том числе, по некоторым сведениям, и «Бородино». Именно в квартире на Садовой Лермонтов в начале февраля 1837 года создал замечательное стихотворение «Смерть поэта», которое сразу сделало его знаменитым, и выдвинуло в ряды первых поэтов России. Поэтому можно смело сказать, что именно Петербург стал местом становления Лермонтова, как преемника Пушкина. В этой квартире Михаил Юрьевич был взят под арест по «Делу о непозволительных стихах...», и был потом переведен служить на Кавказ, где и был убит на дуэли.

Дом на Садовой, где жил Лермонтов, сохранился до сих

пор, его давно расселили и он уже несколько лет стоит пустым, ожидая реконструкции. На этаже, где располагалась квартира поэта, остались прежними размеры окон, внешние и внутренние, капитальные стены, а в самой квартире сохранился даже интерьер XIX века (анфилада комнат). На фасаде раньше висела мемориальная доска с профилем поэта, но в ожидании ремонта ее сняли.

Гусарские будни

По воспоминаниям современников, Лермонтов жил с товарищами по полку дружно, и офицеры любили его за «гусарскую удаль». В полку было немало любителей попоек с музыкой и плясками. Играли в карты, проигрывались десятки тысяч рублей. Лермонтов принимал участие в игре, бывал на пирушках, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому. Он ставил несколько карт, брал или сдавал, смеялся и уходил.

Игравший на скрипке и на рояле, поэт пристрастился к опере. Офицеры переполняли тогда петербургские театры, но больше интересовались не спектаклями, а волокитством за воспитанницами театрального училища. Утром, когда к училищу подъезжали театральные кареты, «обожатели» ожидали здесь своих возлюбленных верхом на лошадях и в экипажах. Современник рассказывает: «Выждав, когда тронутся кареты, буквально набитые девочками, обожатели тотчас начинали перегонять кареты и отыскивали, где сидят их возлюбленные, которые и сами тотчас же высовывались в окна карет. Тогда обожатели подъезжали, начинали разговор, передавались конфеты, фрукты и разные подарки, как-то: серьги, браслеты, кольцо и проч».

Когда об этих проделках узнал великий князь Михаил Павлович, он отдал приказ: «Дошло до сведения государя

императора, что многие из гг. гвардейских офицеров позволяют себе делать беспорядки в театрах и, по окончании театральных представлений, выходят на актерские подъезды и провожают воспитанниц как из театральной школы в театры, так и из театров обратно. Его императорское величество, с сожалением видя, что благовоспитанные гг. офицеры столь отличного корпуса забывают достоинство свое и, не уважая публики, наводят ей беспокойство, — высочайше повелеть соизволил... брать под арест тех, которые будут замечены в провождении воспитанниц и прочих беспорядках».

Лермонтов, конечно, чувствовал, как пуста и бессодержательна жизнь гвардейского круга, но вместе с тем он участвовал в ней, не чуждался гусарских затей. Впрочем, рассеянная жизнь в среде военной молодежи и в петербургском свете не мешала поэту много читать и работать над новыми произведениями.

Музей поэта

Музей, посвященный Лермонтову, был организован в Петербурге, еще в 1883 году при Николаевском Кавалерийском училище. Генерал-майор А.А. Бильдерлинг собрал большую коллекцию материалов и стал основателем мемориальной экспозиции поэта. В коллекцию первого музея входили его прижизненные портреты, графическое и художественное наследие, рукописи и издания книг, а также большое количество его личных вещей. Музей Лермонтова пользовался большой популярностью у петербуржцев, и в 1916 году около училища был открыт памятник поэту работы Б.Микешина. После событий 1917 года этот музей Лермонтова был закрыт, а его коллекции были переданы в Музей литературы РАН (Пушкинский дом), где и находятся до сих пор.

Лермонтовский зал

В Пушкинском доме эти коллекции выставлены в Лермонтовском зале. Там представлены практически все прижизненные портреты поэта, написанные им картины и рисунки, например, «Воспоминания на Кавказе» или «Кавказский вид с саклей». Там же находится коллекция автопортретов поэта. Дополняют собрание Лермонтовского зала картины Врубеля, Кустодиева и Серова. Представлены личные вещи Лермонтова: кинжал, шашка, офицерские эполеты, кавказский пояс, а также карандаш, который был вытащен из кармана поэта после смертельного ранения на дуэли. Можно сказать, что это – самая богатая коллекция в стране, посвященная великому русскому поэту.

Сейчас здание на Садовой, где жил Лермонтов, передано Мариинскому театру. Там и обещают создать, наконец, отдельный музей, посвященный великому поэту в месте, где была его квартира.

Кюхля с пистолетом

Некоторые считают, что история – не такой уж важный предмет и в школе ей не стоит уделять большого внимания. Но что будет, когда историю своего Отечества не знают, что еще хуже, когда ее преподают на иностранный манер, забывая о суровых уроках прошлого? Трагических примеров много, один из них – печальная участь некоторых учеников Царскосельского лицея.

Петербургский писатель Александр Богатырев в одной из своих книг рассказывает об одном из этих лицеистов, друге Пушкина, поэте Вильгельме Кюхельбекере, которого приятели прозвали Кюхлей. В год войны 1812 года с Наполеоном, он, охваченный горячим чувством патриотизма, написал Символ Веры Русского человека. «Верую во единого Государя Александра 1-го, кроткого и человеколюбивого царя Земли русской и всея северные страны.

2-е. Исповедую священные уставы, мудростию великих князей, православных царей и императоров учрежденные, и никогда не признаю законов чуждых, не преклоняю колена пред владыкою чужеземных или пришельцем.

3-е. Верую во единое отечество, охранявшее благоденствие наших предков и ныне охраняющее нас самих, исповедую, что польза его единосушна с моею собственною.

4-е. Верую, что благотворное правительство избавит нас

от злых рук Наполеона, рожденного в Корсике от суеверной жены Летиции, пронырством достигнувшего престола, поработившего Францию, Италию и Германию; наконец, в самое лето своего лютого царствования пришедшего на север со своими клеветрами и крамольниками для порабощения и ограбления Земли русской.

5-е. Но я верю, что он пострадает от рук наших воинов.

6-е. И не превознесется по писаниям лживых его рабов и наемников.

7-е. И не сядет одесную отца отечества царя русского.

8-е. И паки не придет к нам со славою творити живых мертвыми, и царствию его скоро будет конец.

9-ю. Чаю восстановления престолов, низвергнутых его хищною рукою.

10-е. И будущего благоденствия разоренных им народов. Аминь».

Словарь молодого революционера

И вот, проучивших некоторое время в лицее у либеральных педагогов, этот добродушный, кроткий и незлобивый Кюхля, начинает писать и думать совсем по-другому, делает выписки из европейских радикалов и вольнодумцев, составляет «Словарь молодого революционера». «Для гражданина самодержавная власть – дикий поток, опустошающая права его», – заявляет он. А 14 декабря этот «милейший отрок» выходит с пистолетом в руке на Сенатскую площадь в одном фраке «гнусного вида». Стреляет и целится в русских генералов, героев войны 1812 года. А его друг Каховский убивает генерала Милорадовича, героя войны, прославленного полководца и губернатора Петербурга. А другой бывший лицеист князь Трубецкой готовится стать «диктатором», хотя отлично знает, к какой кровавой бане привела диктатору революционеров во Франции, где его зять Лаваль чудом избежал гильотины.

Главных декабристов повесили, других участников мятежа сослали в Сибирь. Но потом быстро забыли суровые уроки истории. Соблазны «передового» европейского образования, лозунги о «свободе, равенстве, братстве» привели в конце концов Россию к 1917 году, а потом к ужасам Гражданской войны, красному террору, гибели миллионов и миллионов русских людей от голода, трагической коллективиза-

ции, бессудным расстрелам и концлагерям.

Откуда они?

Но было бы ошибкой думать, что «либеральные идеи», на которых выросли будущие декабристы, а вслед за ними народо-довольцы, а потом и большевики – плод их случайного проникновения в Россию. Нет, была специально разработанная программа, особый план. А тому, кто в это не верит, советуем прочитать книгу «Путешествие в Россию» маркиза де Кюстина, вышедшую в 1834 году, и исполненную патологической злобы и презрения к нашей стране. В ней этот француз с непонятной откровенностью описывает все детали этого заговора, вырастившего в России тех, кто стал стрелять сначала в русских генералов, героев войны с Наполеоном, а потом и в русских царей.

«Этот перманентный заговор, – сообщил он, – ведет начало от эпохи Наполеона. Прозорливый итальянец видел опасность, грозящую Европе со стороны растущей мощи русского колосса и, желая ослабить страшного врага, он прибегнул к силе идей. Воспользовавшись своей дружбой с императором Александром, врожденной склонностью последнего к либеральным установлениям, он послал в Петербург, под предлогом помочь осуществлению планов молодого монарха, целую плеяду политических работников – нечто вроде переодетой армии, которая должна была тайком расчистить место для наших солдат. Эти искусные интриганы получили

задание втереться в администрацию, завладеть прежде всего народным образованием и заронить в умы молодежи идеи, противные политическому символу веры страны, вернее, ее правительства. Таким образом, великий полководец посеял в России семена раздора и волнений, ибо единство православного самодержавия казалось ему опасным оружием в руках русского милитаризма. С той эпохи и зародились тайные общества, сильно возросшие после того, как русская армия побывала во Франции, и участились сношения русских с Европой. Россия пожинает теперь плоды глубоких политических замыслов противника, которого она как будто сокрушила».

Так и горячий патриот поэт Кюхельбекер не без влияния такой пропаганды превратился в либерального радикала. Не забудем и о том, где «воспитывались» и более поздние «герои» 1917 года: Ленин – в Западной Европе, а Троцкий – в США, откуда и прибыли делать революцию в России с чемоданами денег.

Старый «Герой нашего времени»

О нем мы знаем еще со школьной скамьи. Учителя твердили, что он был бездарный писатель, доносчик, имя которого осталось в истории лишь благодаря знаменитой эпиграмме Пушкина. Между тем его биография достойна авантюрного романа, а его книги в те времена были куда популярнее, чем любого другого писателя. И он первым в России стал делать то, что в 1990-е годы стали делать некоторые наши журналисты, не подозревая, что пошли по стопам давно забытого и уничтоженного пушкинской сатирой Фаддея Булгарина. Ведь это о нем Александр Сергеевич написал:

*Не то беда Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.*

Да уж, русским барином Булгарин не был. И намек Пушкина на Видока – авантюриста и главу парижской тайной полиции тоже был вовсе не случаен. Родился старый «герой нашего времени» в польской семье, а настоящее его имя было Тадеуш. Отец назвал его так в честь главы польских повстанцев Тадеуша Костюшко. Родитель был среди восставших и

убил русского генерала, за что его сослали в Сибирь. А его сына мать отвезла в Петербург, где устроила в Сухопутный кадетский корпус. Таковы были порядки в царской империи, которую в СССР стали называть «тюрьмой народов»! Сына повстанца, осужденного за убийство, взяли на казенный кошт в столице, чтобы сделать из него офицера царской армии. А не отправили вслед за отцом в Сибирь и не отдали специнтернат, как это делали при Сталине.

Выйдя из корпуса офицером, Булгарин, превратившийся из Тадеуша в Фаддея, стал сражаться за честь русского знамени. Получил за мужество орден Святой Анны, был ранен. Однако самолюбивому и язвительному поляку, еще плохо говорившему по-русски, было нелегко в среде русских офицеров. Он сочинил сатиру на командира, вел неподобающий образ жизни и был уволен с «худой аттестацией».

Что делать сыну сибирского каторжанина, без работы и родственников в Петербурге? Перебивался кое-как, дошел до кражи. Потом отправился за границу, оказался в Испании, где его взяли в польский легион армии Наполеона, снова воевал. Стал капитаном, получил орден Почетного легиона из рук самого императора. Как рассказывал его друг Н. Греч, Булгарин поведал ему, будто бы он находился среди тех польских улан, которые спасли на Березине бегущего из России Бонапарта. Кто знает, может, и приврал. Булгарин был горазд на такие выдумки.

Кровь и чернила

Вернувшись потом в Петербург, начал зарабатывать на жизнь пером – стал служителем второй древнейшей профессии. А перо у него оказалось бойким. Он строчил мелкие повести, заметки, стал известным в Петербурге журналистом. Поначалу пользовался расположением Грибоедова, Пушкина, Рылеева. Кстати, именно он первым напечатал «Горе от ума». Вращался в кругах «прогрессивной молодежи». Но бунт декабристов произвел переворот в его мировоззрении. Сам Булгарин участия в заговоре не принимал, но оказался, как поляк и сын повстанца, под подозрением. Пришлось доказывать свою лояльность, втираться в доверие к Бенкендорфу, которого Николай I назначил главой Третьего отделения. Делал он это путем доносов на своих коллег, подробно информируя жандармов о настроениях в литературных кругах.

Одновременно Булгарин продолжал делать и нечто такое, что все-таки расходилось с его репутацией жандармского доносчика. Спас архив Рылеева. Когда Грибоедова посадили на гауптвахту, носил ему деньги и книги и тот считал его верным другом. Написал положительную рецензию на «Героя нашего времени» Лермонтова, который встретил холодный прием у публики.

Сказал Булгарин свое слово, – хотя критики потом и называли его бездарным писателем, – и в литературе – стал ав-

тором первого авантюрного романа «Иван Выжигин», которым зачитывались тогда все. В нем сирота после серии приключений превращался в наследника огромного состояния и княжеского титула. Восхищенный романом царь преподнес автору бриллиантовый перстень. А потом сделал это еще дважды.

Его споры и конфликты с тогдашними поэтами и литераторами приобретают особый оттенок, если учесть, что при всех своих пороках, Булгарин был все-таки боевой офицер, сам пробившийся в жизни, а они, почти все, – изнеженные отпрыски обеспеченных родителей. Когда Дельвиг вызвал его на дуэль, Булгарин презрительно ответил: «Передайте барону, что я в своей жизни видел больше крови, чем он чернил!».

Первый газетный магнат

Но самое главное, что Булгарин стал в те времена тем, кого сегодня называют газетными магнатами. Он начал издавать первую в России частную газету «Северная пчела». Причем, тоже первым стал печатать в ней рекламу и провел – тоже впервые в России – маркетинг, исследование читательской аудитории, разбив ее на четыре категории. И остановился на самой многочисленной.

«Большинство публики любит легкое...», – сделал вывод Булгарин, и стал делать газету именно во вкусе этого большинства. Другими словами, явился основателем желтой прессы. «Публика наша только тогда любит политику, когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу. Поэтому лучше писать, что немецкий сапожник расквасил себе рыло, чем догадки и рассуждения о судьбах царств», – цинично утверждал Булгарин.

В результате его «Северная пчела» мгновенно стала самой популярной газетой в России. Ее тираж составил 9 тысяч – огромной по тем временам цифры. Достаточно сказать, что пушкинская «Литературная газета» имела всего 100 подписчиков. Мало того, Булгарин выпустил первый театральный журнал «Русскую талию» и первый экономический журнал «Эконом».

Он стал первым использовать скрытую рекламу и черный

пиар. Вдруг запускал серию статей, будто в Гостином дворе за все товары «дерут в 20 раз дороже». И купцы покорно шли к нему депутацией, предлагая отступные. Кстати, и на Пушкина изобретатель «черного пиара» ополчился только после того, как тот отказался сотрудничать в его «Северной пчеле». «Литературная газета» казалась Булгарину конкурентом, и он яростно стал «мочить» и ее, и ее создателя.

Наследство Булгарина

В нашей стране его нечистые приемы сразу же пошли в ход после краха СССР. И желтая пресса, и черный пиар, и скрытая реклама, и использование СМИ для того, чтобы «мочить» экономических и политических соперников. Мало того, либеральная интеллигенция словно стала копировать его поведение по отношению к власти. Ведь именно Булгарин выдвинул идею о журналисте, как посреднике между властью и обществом. Не брезгуя при этом связями с Третьим отделением, доносами, неумеренным расточением еля в адрес «Священной особы государя императора». По этой причине можно смело сказать, что именно заклеянный Пушкиным «Видок Фиглярин» фактически стал для некоторых новым «героем нашего времени».

Булгарин тоже подводил под доносы «идеологическую базу». Написал записку царю, в которой предлагал: «Как общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанности напутствовать его и управлять им посредством книгопечатания, нежели предоставить его на волю людей злонамеренных». Царю записка понравилась, Булгарина заметили, стали ему покровительствовать. Как сказали бы сегодня, предоставили «крышу», начали выдавать правительственные гранты, а он взамен, усердно «мочил» неугодных власти и расхваливал ло-

яльных. Как это стали делать в 1990 гг. во времена разгула «демократии» наши популярные телеведущие и комментаторы иных газет. На них, правда, до сих пор не нашлось нового Пушкина, который вынес бы им приговор своей убийственной эпиграммой.

Загробная тайна Гоголя

Многие литературоведы наперебой утверждают, будто в русской литературе не было фигуры более загадочной и мистической, чем автор «Мертвых душ». Его часто изображают болезненным ипохондриком, психически нездоровым, мрачным человеком и т. п. Однако самый авторитетный в России исследователь творчества Гоголя И. Золотусский убежден, что этот великий русский писатель был светлой личностью и ничего мрачного, угрюмого и таинственного в его жизни и творчестве не было. Однако одна страшная тайна все-таки имелась. Тайна того, что произошло уже за гробом...

Подтверждений точки зрения маститого критика масса. Во-первых, Николай Васильевич Гоголь родился на Украине, под ярким солнечным небом, среди белоснежных мазанок, дивчин-хохотушек и озорных парубков. Именно они и стали персонажами его брызжущих весельем «Вечеров на хуторе близ Диканьки», которые сразу принесли автору громкую известность. А на премьере «Ревизора» соизволил смеяться даже сам государь-император. Еще в гимназии Гоголь мечтал о широкой общественной деятельности, о том, чтобы сделать нечто великое «для общего блага, для России». Именно поэтому он и стал писать. И даже дал на этот счет особую клятву: «Жизнь кипит во мне, труды мои будут

вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество».

Восторг перед Италией

Около десяти лет – треть сознательной жизни – Гоголь провел вовсе не среди снегов и сумрака Петербурга, а в солнечной Италии, которая привела его в восторг. «Что за земля Италия! Нет лучшей участи, чем умереть в Риме...». Или еще: «Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то, по крайней мере, 700 ангелов влетают в носовые ноздри. Удивительная весна! Гляжу, не нагляжусь. Розы устлали теперь весь Рим». И делает вывод: «Вот мое мнение, кто был в Италии, скажет «прощай» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю».

Тепло встретили писателя и в небольшой русской колонии. В то время в Риме жили художники-стипендиаты Российской академии художеств, и среди них такие будущие знаменитости, как Карл Брюллов, Орест Кипренский, Александр Иванов, Сильвестр Щедрин, и другие, с которыми он тесно общался. В Риме Гоголь познакомился и с очаровательной княгиней Зинаидой Волконской, которая устроила на своей вилле музыкально-литературный салон, завсегдатаем которого он стал. В ее гостеприимном доме Гоголя всегда ждал обильный обед и домашний уют. Кстати, писатель отличался хорошим аппетитом. Он мог плотно пообедать, но, «увидев знакомого посетителя в трактирии, тут же заказать себе то же самое и съесть все это». Другим местом общения

Гоголя с русскими в Риме стало кафе «Греко», расположенное возле романтической площади Испании. Там возле столика, где писатель обычно сидел, сейчас висит медальон с его портретом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.